

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

Д. Д. Васильев, З. Б. Чадамба

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ИЗ ДОЛИНЫ р. УЮК

В августе 1974 г. в Туве, в урочище Оорзак, близ р. Уюк, были найдены три крупных памятника тюркской рунической письменности. Находки были вскоре доставлены в Тувинский краеведческий музей, где хранятся и сейчас. Тексты надписей оказались интересными историко-культурными источниками. Была осуществлена предварительная публикация памятников, где сообщались также сведения о месте и обстоятельствах находки и подробности доставки памятников в музей¹. В 1977 г. памятники были тщательно визуальным исследованы авторами статьи, была осуществлена фотосъемка надписей, выполнены их факсимильные копии. На основании этих материалов оказалось возможным в значительной степени уточнить и частично реконструировать тексты, приведенные в предварительных публикациях. Ниже предлагаются фото, графические реконструкции надписей и их текстовая интерпретация.

Е 108. («УЮК-ООРЗАК I»)

(рис. 1—3, 6)

Памятник представляет собой олений камень в виде четырехугольного в сечении столба с закругленной вершиной, размеры памятника — 364 × 22—31 × 23—31 см. Поверхность камня обработана, но значительно повреждена выветриванием. Надпись состоит из четырех строк, расположенных вертикально (снизу вверх) на одной из плоскостей почти по всей ее длине. Ниже надписи слабо различимы следы тамги.

¹ З. Б. Чадамба. Древнетюркские надписи из урочища Оорзак. — УЗТНИИЯЛИ. Вып. 17. 1975, с. 254—259; она же. О древнетюркской рунической надписи Оорзак-I из Тувы. — Этнические и культурные связи тюркских народов СССР. (Тезисы докладов и сообщений). А.-А., 1976, с. 107—108. З. Б. Чадамба, Д. Д. Васильев. Тюркские рунические надписи из урочища Уюк-Оорзак. — Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980, с. 131—143.

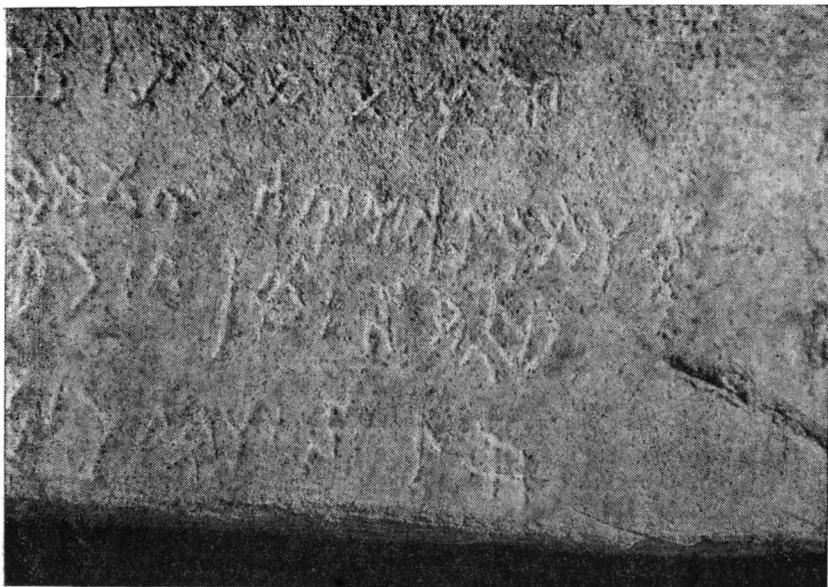

Рис. 1. Фото надписи Е 108 (фрагмент)

Рис. 2. Фото надписи Е 108 (фрагмент)

Рис. 3. Фото надписи Е 108 (фрагмент)

Рис. 4. Фото надписи Е 109 (фрагмент)

Рис. 5. Фото надписи Е 109 (фрагмент)

■. 1x x0: 3T 3xX: 1D: 4YCY 3C xYX 1D1B1N: 3xYU
3 1xYU: 1Y 3YCY 1YX: 3xY: 3Y 1Y 1Y 1Y 1Y 1Y
1YX0: 1Y
1Y 1Y 1Y 1Y 1Y 1Y 1Y 1Y 1Y 1Y 1Y 1Y 1Y 1Y 1Y 1Y

Рис. 6. Прорисовка надписи Е 108

Транслитерация*:

- (1) r²r²d²mm:üs²ükij¹ oqär²d²ntim:... l² gr²...:j¹oq:äd²m.oqñč.:
j¹s¹ms¹
(2) äl²mkä: qzğq.: r²d²mm: b²äs²j²gr²mr²: öl²r²mš²m
(3) j¹s¹mn²: b²gms²: o¹juqän²: l²gn²: u.: ägükj¹uq: än². guj¹. r²ün² äč: ...
(4) män²: al¹t¹j¹og¹i: b²ögü: t¹im: t²gr²i: g... b²ñkü: g... l²m[in²]:
mn²

Предлагаемый вариант чтения:

- (1) är ärdämim:... joq ärdänim:... älig är... joq ädim: oqu
anča jašamiš
(2) älimkä: qazğaqim: ärdämim: beš jigirmi är: ölürmisim
(3) jašimin: begimiš: ojuq än: äligin:... ägük ojuq än...
(4) män: altaj oğli: bögü: atim: täñri: .. bänkü... .

Перевод построчный:

- (1) я сделал несуществующими (погубил) мою воинскую доблесть. . . я погубил свои сокровища, пятьдесят воинов. Вот так он жил!
(2) Моему народу [завещаю] мою воинскую доблесть, мою военную добычу. Я убил пятнадцать воинов.
(3) При моей жизни бегом был, правителем Ойук-ен (низины Ойук), Егюк-Ойук-ен (низины Егюк-Ойук). . .
(4) Мое имя Бёгю, сын Алтая, и я, — о Небо! — . . . вечный памятник.

Перевод литературный:

«О Небо! Мое имя Бёгю, сын Алтая, и я [приказал соорудить] вечный памятник. При жизни я был бегом, правителем низины Ойук, низины Егюк-Ойук. . . Вот так он жил!

Я погубил свою воинскую доблесть. . . я погубил свои сокровища и пятьдесят своих воинов. Мою военную добычу, воинскую доблесть и пятнадцать убитых врагов [завещаю] моему народу!»

Е 109. («УЮК-ООРЗАК II»)

(рис. 4—5, 8)

Памятник представляет собой плоскую широкую стелу из красноватого песчаника, расколотую на две части; размеры обломков — 190×41—43×15 см и 95×60—40×8 см. Надпись состоит из четырех строк, расположенных вертикально на одной из широких плоскостей стелы, и одной строки на узкой боковой пло-

* Многоточие обозначает лакуну, соответствующую нескольким знакам, а одна точка — одному знаку надписи.

Рис. 7. Фото надписи Е 110 (фрагмент)

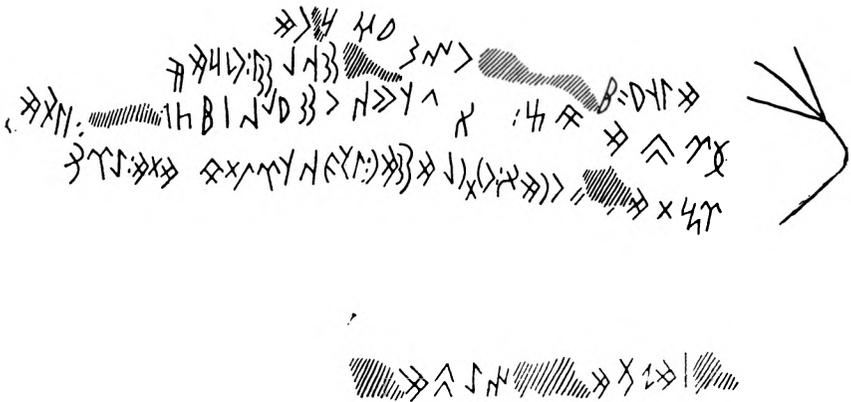

Рис. 8. Прорисовка надписи Е 109

скости. Поверхность камня в значительной степени покрыта минеральными наслоениями, часть текста разрушена и не восстанавливается. Ниже надписи на широкой плоскости имеется тамга и петроглифические изображения.

Транслитерация:

- (1) miŋj¹: ök... on²ñč¹j¹ğr¹.um
- (2) d¹q¹d¹i: ol¹r¹mm
- (3) är²t¹mb²n²:... s¹ŋun¹q ud¹j¹l¹q s²ökt²... s²izm
- (4) r²n²d²m... un¹mz: oğ¹md¹mn¹: il²gt²ŋr²id²ä... md²m: är²j
- (5) ... s²mäzm... n²ät¹m...

Предлагаемый вариант чтения:

- (1) miŋ aj:... jaği urunum
- (2) adıqladı: olurmam
- (3) är atım bän:... saŋunqa ud jılqa sökt[üm]: äsizim
- (4) ärändim [alt]junumuz: oğlım adımın: ilig täŋridä b[ök]mädim: ärij
- (5) ...

Перевод построчный:

- (1) тысяча лун... враги мое знамя
- (2) прославили, [но] я не воссяду.
- (3) Я храбрый стрелок... В год коровы [я] разбил сангуна.
- (4) Я был воином, я не наслаждался... наше золото, мои внуки... Всемогущее Небо (или на Всемогущем Небе)...
- (5) ...

Литературный перевод текста затруднителен из-за многочисленных лакун, которые усложняют определение синтаксических связей.

Е 110. («УЮК-ООРЗАК III»)

(рис. 7,9)

Памятник представляет собой оленный камень в виде четырехугольного в сечении столба из бурого песчаника, размерами 236×35×13—24 см. Поверхность камня слегка обработана в верхней части памятника, грани четко обозначены. Надпись состоит из четырех строк, расположенных вертикально на двух соседних плоскостях в центральной и верхней частях памятника; на одной из сторон несколько знаков процарапаны между строк. Надпись в значительной степени сглажена выветриванием и восстанавливается с трудом.

Транслитерация:

- (1) t¹uz: t²ör²t²... s¹m: oš¹ğm: r²
- (2) ... ŋu... t¹ŋ: r²zd²... r²s²m: r²: b²in²: at¹

В рунических текстах впервые встретилось слово **✠Γ○XΥ** *erdeni* (с личным аффиксом), зафиксированное в других тюркских письменных памятниках лишь в XII—XIII вв.² В строке присутствует однородный полуповтор: «. . . joq, . . . joq ädim». Вся эта предикативная группа является, по-видимому, законченной синтаксической единицей, а сохранившийся в окончании строки фрагмент текста может быть интерпретирован по-разному. Предлагаем для этого фрагмента *oqu anča jašamış*. В строке имеются лакуны, окончание ее разрушено, и четыре-пять знаков трудноразличимы.

Во 2-й строке любопытно отметить слово . . . **✠Γ○XΥ**, имеющее орфографический аналог в памятнике Уюк-Туран (ЕЗ)³. В этом памятнике Х. Н. Оркун, С. Е. Малов, И. А. Батманов повторяли чтение В. В. Радлова — *qizğaqrımoğlım* 'мои дочери'⁴. Однако В. В. Радлов высказал в Глоссарии и свои сомнения по поводу подобной интерпретации: «*каззак* **✠Γ○XΥ** встречается только один раз (Uj Tu, b2₃). Я хотел связать его с *каззан* (v) и осмыслить *каззак* *о́лым* как 'приобретенные, приемные сыновья', в соответствии с *ёз о́лым* 'собственные сыновья', и тем самым обосновать это образование. Однако я, вместо того чтобы читать здесь *ёз о́лым*, с упомянутым *ёз*, читаю *уры о́лым* и должен также вместо *каззак о́лым* читать здесь *кыззак о́лым*. А *кыззак о́лым* будет означать 'мои дочери'⁵. Эту мысль развил затем Х. Н. Оркун: «Я перевожу слово *öüz* в сочетании *qizğaqrım oğlım ve öz oğlım* как „неродной“. Следовательно, слово *qizğaqr* или *qizğaqr* также необходимо перевести как „падчерица“⁶.

Таким образом, в данном памятнике во второй раз в рунике встречается слово «*qzğq(m)*», но в ином контексте. Здесь нет соблазна ассоциировать *qzğq(m)* с соседним *oğlım*, как в тексте ЕЗ. Наоборот, контекст, как нам кажется, подтверждает правильность первоначального предположения В. В. Радлова, и перевод: «Я убил пятнадцать воинов! Моему народу — мои приобретения (или завоевания) и воинскую доблесть!» — получает здесь внутреннее логическое обоснование.

В 3-й строке особенно плохо сохранилась вторая половина, где имеются лакуны и возможны неточности реконструкции. Поэтому чтение и перевод окончания строки авторами статьи не

² Например, в ташкентской рукописи «Кутадгу билиг» (ДТС, с. 176).

³ Атлас древностей Монголии. СПб., 1892—1899, табл. LXXV, 1—2 (эстампаж Д. А. Клеменца).

⁴ Н. Н. Оркун. *Eski türk yazıtları*. Cilt 3. İstanbul, 1940, с. 40—41; С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 19—20; И. А. Батманов. Язык енисейских памятников. Фрунзе, 1959, с. 142—143.

⁵ W. Radloff. *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*. 3. Lief. St.-Pbg., 1895, с. 362.

⁶ Н. Н. Оркун. *Eski türk yazıtları*. Cilt 3, с. 41.

предлагаются. Из орфографических особенностей здесь можно отметить употребление \mathbb{H}/\mathbb{H}^2 в форманте родительного падежа, что не соответствует фонетическому ряду слова $\mathbb{H}\mathbb{A}\mathbb{D}\mathbb{J}^{\text{las}^1\text{im}}$.

Текст строки содержит топонимы $\mathbb{H}\mathbb{Q}\mathbb{T}\mathbb{D}$ и $\mathbb{H}\mathbb{Q}:\mathbb{H}\mathbb{D}\mathbb{Y}\mathbb{N}\mathbb{C}\mathbb{X}$. В тексте памятника Е 3 упоминается топоним *егюк катун*, который в тюркологической литературе подробно комментируется, — особенно в своей второй части⁷, — и отождествляется с современной р. Уюк. Повтор топонима в новом памятнике из долины р. Уюк и появление новых компонентов этого топонима дают дополнительный материал в ходе ведущейся дискуссии⁸.

Вторая половина 4-й строки сохранилась хуже всего остального текста и в настоящее время почти неразличима. В начале строки следует отметить новое в рунических письменных источниках имя с генеалогическим указанием: «Бёгю, сын Алтая».

Из палеографических особенностей в тексте следует отметить регулярность употребления аллографы \wedge в палатальной и \mathbb{A} в велярной позициях; переднерядный гласный в анлауте регулярно передается аллографой \mathbb{Q} . В тексте памятника обращает на себя внимание широкое, сравнительно с другими енисейскими надписями, употребление писцом графем, передающих, по выражению П. М. Мелиоранского, «звуковые комплексы»⁹. Здесь это — $\mathbb{B}, \uparrow, \mathbb{J}, \mathbb{Z}$.

В целом по ряду характеристик можно отметить близость памятников Е 108 и Е 3. Обе надписи высечены на однотипных оленячих камнях примерно одинакового размера; они имеют сходную композицию (надписи нанесены на боковых сторонах стел, где нет изображений животных, тексты начинаются приблизительно в метре от вкопанной части); близкое сходство имеют тамги памятников — см. с. 75. Надписи высечены одинаковой техникой, размеры знаков почти совпадают. Текстовые особенности также подтверждают принадлежность обоих памятников к одной культурно-письменной школе. В текстах упоминается, по-видимому, один и тот же топоним. Обращает на себя внимание также совпадение редких лексических элементов эпитафийной формулы.

Е 109. Восстановить текст в достаточно полном объеме оказалось невозможным из-за разрушения поверхности камня от выветривания и из-за минеральных образований. Все же после чистки

⁷ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, с. 19—20.

⁸ Топоним Егюк-катун, встречающийся в памятнике Уюк-Туран (Е 3), и его фонетические варианты по-новому интерпретирует И. Г. Добродомов в статье «Не река, а женщина» в сборнике «Ономастика Востока», находящемся в печати.

⁹ П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-тегина. СПб., 1899, с. 43.

поверхности камня удалось сделать определенные уточнения и дополнения к первым публикациям памятника.

Трещина, по которой памятник раскололся на две части, вызвала дополнительные сколы на участках поверхности в середине 1-й и 3-й строк (здесь лакуны наиболее значительны). Наиболее полные восстановленные тексты дают 3-я и 4-я строки. Восстановить надпись на узкой боковой стороне, по-видимому, уже не удастся.

Чтение и перевод окончания 1-й строки предлагаем здесь лишь в качестве варианта. Возможна иная интерпретация, например: *ogunum* 'мой трон; мои (родные) места' и др. По мнению авторов статьи, *ugunum* 'мое знамя' здесь наиболее вероятно, во-первых, из-за точного соответствия уцелевших штрихов лакуны контурам соответствующего знака; во-вторых, это слово встречается в енисейских рунических надписях, в отличие от других возможных слов; в-третьих, слово логично в контексте: «враги прославили мое знамя».

Композиция и текстовые особенности 2-й строки позволяют предположить, что ее текст является продолжением 1-й. Глагол *adaqladı* 'прославил' впервые встречается в рунике. Для раннего средневековья он зафиксирован в среднеазиатском литературном тюрки и в письменных памятниках Восточного Туркестана¹⁰.

В начале 3-й строки: для $\text{𐰇} \text{𐰆} \text{𐰄} \text{𐰃}$ мы предлагаем перевод «герой-стрелок», а не традиционное «мое геройское имя», так как в этом случае стали бы менее четкими синтаксические связи. Временная глагольная форма *olugtam* несколько неожиданна для времени функционирования языка орхоно-енисейских памятников, она возникает значительно позже в огузских языках. Тем не менее чтение этого слова почти безусловно.

В тексте памятника упоминается дата по двенадцатилетнему животному циклу. Подобные даты неоднократно встречаются в древнетюркских эпиграфических текстах, но, насколько нам известно, «год коровы» фигурирует впервые.

Е 110. 1-я строка восстановлена почти полностью, за исключением маленькой лакуны в средней части, где могли бы уместиться приблизительно два знака. Здесь по контексту мы предлагаем *jašim*, вполне уместное после указания возраста.

Начальная часть 2-й строки почти полностью разрушена. Начиная с середины строки можно восстановить *atıña ärizdä ärsim äg bin at* 'святой воин! В блаженстве (спокойствии) садись на своего коня! Стреляй!'. О том, что тюрки Южной Сибири были знакомы с элементами буддийской культуры, известно по памятникам ру-

¹⁰ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893, стб. 453, 478.

нической эпиграфики¹¹, а по иноязычным источникам известен факт перевода на древнетюркский язык буддийских сутр по приказанию одного из каганов. На этот факт можно опереться в предположении, что автор надписи знал буддийскую религиозную терминологию¹². В несколько более позднее время этот же буддийский термин (arši 'святой') зафиксирован в тюркской рукописи «Золотой блеск»¹³. Расшифровку ärizdä для сохранившегося на строке фрагмента мы предлагаем, руководствуясь при чтении прежде всего контекстом. Некоторое расхождение с фонетической транскрипцией аналога из Словаря Махмуда Кашгарского может быть объяснено особенностями передачи иноязычного слова средствами рунического алфавита¹⁴.

З-я строка восстановлена полностью. Здесь среди однородной цепочки следует прокомментировать oqum 'стрела моя'. По-видимому, воин был искусным стрелком из лука. Это обстоятельство отмечено и в предыдущей строке призывом «стреляй!». Здесь же «его стрелы» упомянуты наряду с общеродовыми нравственно ценными категориями, и эта деталь в значительной степени индивидуализирует эпитафийную формулу.

Выделенную пунктуационным двоеточием группу: | D ⋈ D ⋈ :| авторы статьи интерпретируют как «Умай-тайши» (или «Наставница Умай») — обращение к божеству, хранительнице дома и семьи, а не к какому-либо конкретному лицу, носящему имя «Умай», как это имеет место в одном из енисейских памятников. В пользу именно такого толкования, нам кажется, может свидетельствовать и эмоциональное äsüz, возвышающее и ориентирующее стиль обращения.

Строки этой плоскости, расположенные одна под другой, имеют оригинальную композицию. Они явно подогнаны к единой длине, у них совпадают начальные и конечные точки строк, соблюдается вертикальное равенство знаков. Окончания строк аллиментируются не только фонетически, но и в графике: фрагменты являются как бы зеркальными вариантами, и при наложении одного на другой по горизонтальной оси знаки почти совпадают

. Палеографические и композиционные детали позволяют предположить, что строки этого «рунического бейта» сочетают в определенной степени элементы симметрии и ритма.

¹¹ Ф. Х. Арсланова, С. Г. Кляшторный. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Припиргышья. — ТС-1972. 1973, с. 312—315.

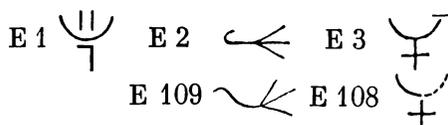
¹² См.: Liu Ma-u-t'ai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken. Wiesbaden, 1958, Bd 1, с. 43.

¹³ Suvārṇaprabhāsa. (Сутра Золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Изд. В. В. Радлов и С. Е. Малов. Вып. 1—8. СПб.—Пг., 1913—1917 (Bibliotheca Buddhica. 17). Вып. 3. Пг., 1914, 436_{1a}, 577₇, 606₇.

¹⁴ Divanu Lugat-it Türk. Faksimile. Ankara, 1941, с. 132.

Следует напомнить, что местность, где были обнаружены новые памятники, уже была известна и по другим таким же находкам еще в конце прошлого века. Помимо публикуемых памятников, известно шесть образцов рунической эпиграфики из бассейна р. Уюк. Это памятники: Уюк-Тарлак (Е 1), Уюк-Аржан (Е 2), Уюк-Туран (Е 3), из Малиновки (Е 56), два мелких предмета из кургана Аржан II ¹⁵. Обращает на себя внимание единообразие оорзакских памятников с тремя первыми из известных ранее.

Массивные стелы из песчаника являются своего рода палимпсестами; надписи на них перекрывают более древние изображения оленных камней, петроглифы. Более древние оленные камни, с характерными для них изображениями животных, опоясками в центральной и верхней частях и другими деталями, были использованы резчиками рунических эпитафий как готовые формы с обработанной поверхностью, к тому же украшенные. В композиции надписей резчиками учитывались имеющиеся изображения и текст размещался на наиболее свободной поверхности. Дополнительным моментом, позволяющим объединить памятники Е 1 — Е 3 с оорзакскими, могут явиться также, по-видимому, и тамговые параллели:

¹⁵ С. Е. М а л о в. Енисейская письменность тюрков, с. 11—20 (в работе приводится также и библиография предшествующих изданий); С. Г. К л я ш т о р н ы й. Рунические надписи из кургана Аржан II. — Первобытная археология Сибири. Л., 1976, с. 184—185; И. Л. К ы з л а с о в, Средневековая эпитафия из Малиновки (Тува). — СТ. 1977, № 2, с. 74—78.